

ВЧЕРА я снова пришла к памятнику героям гражданской войны, что находится в центре Тисуля в районном саду. Здесь, под сенью разросшихся яблонь, покоятся останки тридцати трех. Кто они? Точного ответа на этот вопрос, к сожалению, нет. Известны лишь отдельные имена, но на памятной надписи их нет.

В который уже раз читаю давно знакомые строки:

«Здесь похоронены 33 участника чумайско-тисульского восстания 1918 года. И в боях с контрреволюционной бандой на руднике Центральный 1921 года.

Вечная память героям!»

Да, память вечная. Люди чтут прошлое, создают музеи, памятники. Но наряду с мемориалами у многих из нас существует сугубо личное, свое отношение к памяти. И у памяти этой есть имя — живое имя конкретного, а не обобщенного, безымянного героя. И есть твердая убежденность, что имя это должно жить вечно. Но...

Казалось бы, 60 лет — не такой уж большой срок для памяти, однако вот — забыли. И стоят на братских могилах в Тисуле, Центральном, Большом и Малом Барандате, Кайчане обелиски и памятники с «обобщенными» надписями.

В этих братских могилах похоронены участники боя с бандой Олиферова в пос. Центральном 27 января 1921 года. Всего 78 человек. Но память людская сохранила имена примерно лишь трети из них.

...У меня хранится старинная фотография. С потемневшего от времени листка картона смотрят двое храбрых солдат времен первой мировой войны. Один из них — мой дед. На обороте снимка — его рукой — дарственная надпись с непривычными нашему глазу «ятами». На фотографии — след от гвоздя, которым она крепилась к стене. Видимо, была единственным украшением бедной крестьянской избы.

Бог весть, как это удалось, но сохранила фотографию моя мама, осиротевшая в раннем детстве и воспитывавшаяся после смерти родителей в Чумайском детском доме. Вместе с фотографией сохранила и смутный рассказ-воспоминание об январских событиях 1921 года, участниками которых были ее отец и братья матери. Двое из них были убиты, а мой дед остался жив, но крепко застудил на январском снегу легкие, и через несколько лет болезнь унесла его.

Понятно волнение, с каким я ехала в Центральный. В Тисуле мне не удалось (а может быть просто не повезло) найти

ни одной реликвии той поры, ни одной фамилии очевидца тех событий. Данные из архива редакции районной газеты — однообразное повторение общеизвестных фактов, к тому же цифры, даты, фамилии людей так противоречивы... И думалось, что именно в Центральном, столь славном своим революционным прошлым, более бережно чтут героическую память наших дедов.

Однако ожидания не оправдались. К памятнику и вовсе подойти не удалось, но издали, по макушке, торчащей из сугроба, было видно, что памятник все-таки есть. Надпись на нем также «обобщенная».

В прошлом году исполнилось 60 лет со дня героической обороны рудника, но событие это в поселке прошло незамеченным (впрочем, в районе тоже). Видимо, сказались ликвидация рудника, и в связи с этим резкое уменьшение численности населения. Слишком много людей уехало, и память — зачахла.

Однако у меня оставалась еще надежда найти что-либо интересное в многотиражной газете «Приисковый рабочий», издававшейся когда-то на руднике. Редактор ее — И. П. Чуйков — был большим патриотом своего края, интересовался его историей, много писал на эти темы. Под самое-самое честное слово и обещание «только до утра» председатель рудкома карьера «Центральный» Георгий Александрович Бышко вручил мне толстенную подшивку бывшей рудничной многотиражки.

Незаметно летели часы. Находки одновременно и огорчали, и радовали. Печталось в газете, действительно, много интересного, но... в редакционном переложении, порою неудачном. Присутствует же различие отдельных фактов, имен, цифр, дат. Но тем не менее материалы интересны, особенно написанные по статье участника январских событий Н. И. Воробьева и бывшего рабочего 30-х годов, а позднее директора рудника И. К. Питиримова.

...Спасаясь от преследования Красной Армии, недобитая колчаковская банда пробивалась через Маринскую тайгу. Полковник Олиферов лелеял мечту прорваться в Монголию. На своем пути он оставлял сотни человеческих жертв. Многие поселки были сожжены целиком. Численность бан-

ды достигала 530 человек. Большая часть ее — до 300 человек были верховыми. Дорогу по глубокому снегу прокладывали перед ней 400 мобилизованных лесорубов.

Узнав о приближении банды, горняки Центрального решили организовать его оборону. На помощь центральному прибыли добровольцы из деревень и сел района. Всего набралось около 200 человек (по другим сведениям — 309 человек). Оборону возглавил начальник милиции Константинович (по другим сведениям — Константинов; требует проверки и имя — Герасим).

Около пяти часов утра 27 января банда охвати-

зан разул и бросили в снег. Решив, что покончили со всеми жертвами, бандиты ушли. Первым пришел в себя Воробьев, он помог Константину и Токареву заползти под амбар, где они и дождался прихода наших. Константинович через несколько дней скончался от ран, а Воробьев и Токарев — выжили.

В 7 часов утра 28 января банда собрала и сожгла своих убитых и успешно начала отступление. Ее преследовали подоспевшие боевые отряды партизан и красноармейцев под командованием Дусе и Шевелева-Лубкова. Через некоторое время банда оказалась за-

ИМЯ ПАМЯТИ

К 200-летию Тисуля

ла рудник полукольцом. Первыми открыли огонь наши постовые, но олиферовцы ответили мощными залпами. Передовые посты центральных были уничтожены. В отдельных группах защитников рудника поднялась паника, и лишь отряд, укрытый в блокгаузе, сдерживал наступление врага.

Когда, наконец, паника была ликвидирована, рабочие твердо дрались с врагами. Но потери были очень велики. Пришлось отступить. Отступление прикрывали защитники блокгауза. Когда их осталась горстка, решили прорываться к своим. Прорвали первые две цепи, но третья окружила и схватила оставшихся в живых смельчаков: Герасима Константиновича, Николая Воробьева, Прокопия Берсенева, Макара Токарева, Ефима Любимова. Их заперли в амбар.

Началась кровавая расправа. Олиферовцы добивали оставшихся на поле боя раненых. Так погибли Волков и Михаил Прокопьев. Бандиты задерживали всех заподозренных в оказании отпора банде. Пленных расстреливали, рубили шашками, кололи штыками. Вот некоторые из установленных имен погибших: Прокопий Соколов, Александр Иванов, Козин, Ведров, Николай Николаев, Прокопий Заплюшкин, Герасимов, Егор Заварзин, Иван Носков, Иван Липский, Руденко.

В 12 часов ночи на казнь вывели последнюю пятерку — защитников блокгауза. Первым бандиты истязали Константиновича, которому штыком четыре раза насквозь прокололи грудь. Затем Берсенева — искололи и изрубили шашками. Пять ран штыками нанесли Воробьеву. Последними истязали Любимова и Токарева. Изрубленных парти-

жатой и почти окруженной. Около присека Главного (Кундат) наши почти замкнули кольцо, выставив навстречу бандитам 80 лыжников. Олиферовцы попали в западню. Начался бой.

Спасаясь, Олиферов с остатками банды добились своих раненых, перестреляли коней, уничтожили все лишнее и на лыжах ушли в тайгу по направлению к Саралинским присекам (в Хакассии). Всего у Главного было уничтожено 400 бандитов. Часть убитая ранее на Центральном, остальных выловили поодиночке. Таков бесславный конец колчаковской банды. Сам Олиферов, по одним сведениям, был схвачен и расстрелян, по другим — добрался-таки до Монголии, где нашел смерть, воюя в остатках армии барона Унгерна.

...Перед участниками обороны рудника стояла задача предельно простая — любыми средствами как можно дольше задержать банду до прихода регулярных частей, не дать ей уйти в Монголию. Ценой огромных жертв они выполнили свою задачу. Так была дописана последняя страница в истории восстановления Советской власти в нашем районе.

Более 60 лет прошло с той поры. Крепла, неузнаваемо выросла и возмужала наша Отчизна. И чем выше ее рост, сильнее могущество, тем более признательной и благодарной памятью должны мы платить всем тем, кто с оружием в руках отстоял завоевания Октября, сражаясь за новый мир, за молодую советскую республику.

Память — это не просто дань уважения, она нужна также нам, живым, — чтобы твердо стоять в любых испытаниях.

С. МОРХОВА.